

Письма о Государственной Думѣ.

Письмо члена Государственной Думы о. Николая Гепецкаго Преосвященному Серафиму, Епископу Кишиневскому *).

Ваше Преосвященство

Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Не взирая на всѣ наши усилія, въ думской комиссіи мы проиграли дѣло защиты церковныхъ школъ, благодаря, ближайшимъ образомъ, предательству двухъ іереевъ. Впрочемъ,—предатели Іуды—зло, повидимому, неизбежное въ жизни, однако это явленіе—все же исключительное, единичное: существо даннаго вопроса, въ конечномъ итогѣ, при подсчетѣ нашихъ силъ въ Государственной Думѣ все равно не измѣнилось бы, если бы этихъ Іудъ и не было вовсе, ибо октябристы рѣшили, не взирая ни на что, провести вопросъ о передачѣ церковныхъ школъ въ Мин. Нар. Просвѣщенія. Они такъ постановили на московскомъ октябристскомъ съѣздѣ; вѣдь октябристы, въ пленарномъ засѣданіи Думы, подержанные всей лѣвой стороною, явятся рѣшающей силой въ данномъ вопросѣ. Такъ какъ школьный вопросъ—вопросъ принципиальный, какъ и вѣроисповѣдной, то мы пойдемъ на открытый конфликтъ съ ними отнынѣ и до вѣка. Октябристы опаснѣе для Церкви Христовой, чѣмъ всѣ лѣвые вмѣстѣ взятые, ибо постоянно прикрываются именемъ Христо-

*) На семь писемъ состоялась резолюція Его Преосвященства отъ 12 апр. 1910 г. № 2097. Въ редакцію Епар. Вѣдомостей. Прилагаю № 1-й газеты «Земщина».

вымъ, радѣтелями Церкви... Церковные интересы въ такой значительной степени зависятъ отъ Думы вообще, что пастыри Церкви должны приложить всѣ силы свои, всю степень своего вліянія, дабы въ 4-ю Думу проникли только люди твердые и стойкіе въ вѣрѣ отцовъ и преданности Государю. Если духовенство не будетъ лишено избирательныхъ правъ, если оно, какъ одинъ человѣкъ сплотится во время, то, внѣ всякаго сомнѣнія, рѣшающая сила почти во всѣхъ мѣстностяхъ будетъ въ рукахъ духовенства. И наоборотъ: если духовенство или проглядитъ важный моментъ, или же будетъ лишено избирательныхъ правъ (а козни въ этомъ направленіи ведутся), то правый элементъ въ будущей Думѣ будетъ совсѣмъ слабо представленъ, и тогда вопросъ о конституціи будетъ очень близокъ къ осуществленію. А какое положеніе будетъ приуготовлено Церкви Православной и ея пастырямъ въ государствѣ тогда—вполнѣ ясно. И вотъ, чтобы все духовенство сознало эту опасность во время,—предстоитъ большая работа разоблачить предъ его глазами—что такое октябризмъ и октябристы, дабы оно не поддавалось льстивымъ словамъ послѣднихъ. Съ этою цѣлью я рѣшилъ писать на страницахъ «Земщины» «Письма о Думѣ», гдѣ осторожно, шагъ за шагомъ, примѣрами дѣйствительности, буду характеризовать достоинство поведенія октябристовъ и отношеніе ихъ къ дѣламъ Церкви. Все наиболѣе яркое будетъ прибережено къ концу. Точно также, и свящ. о. Д. Машкевичъ, въ томъ же органѣ будетъ выступать съ отдѣльными статьями на тему: «Церковные вопросы въ Думѣ»... Къ сожалѣнью, «Земщина»—органъ малораспространенный въ провинціи. Поэтому я обратился ко всѣмъ редакторамъ «Епарх. Вѣдомостей» съ письмомъ, въ коемъ прошу ихъ испросить у благостныхъ Владыкъ разрѣшеніе на перепечатываніе, цѣликомъ, въ Епарх. Вѣдомостяхъ нашихъ статей и писемъ изъ газеты «Земщины».

Что касается «Кишинев. Епарх. Вѣдомостей», то я и о. Машкевичъ надѣемся, что Ваше Преосвященство соизволите на такое перепечатываніе.

Мы даже вѣримъ, что наши письма и статьи заставятъ октябристовъ измѣнить курсъ политики, столь вредной для Церкви и государства.

Было бы хорошо, если бы съѣздъ о.о. благочинныхъ, со-

званный Вашимъ Преосвященствомъ, хотя бы кратко высказался по вопросу о рѣшеніи думской комиссіи объединить наши школы въ Мин. Нар. Просвѣщенія. Наши враги здѣсь распространяютъ слухи, будто бы духовенство радуется предполагаемой передачѣ нашихъ школъ. Съ цѣлью опровергнуть эту клевету, я обратился со страницъ «Церк. Вѣдом.» съ призывомъ къ пастырямъ Церкви, прося ихъ откликнуться. Статья моя,— «Голосъ изъ Государственной Думы»,—напечатана въ номерѣ 14. Всѣ отзывы, которые несомнѣнно съ разныхъ мѣстъ послѣдуютъ вскорѣ, я тщательно соберу и опровергну вышеназванную клевету на пастырей Церкви. Клевета эта именно тѣмъ, собственно, опасна, что враги наши, дѣлая злое дѣло, все время подчеркиваютъ и даже громко заявляютъ, что они идутъ «на встрѣчу затаенному желанію самого духовенства»,—какъ выражаются.

Вашего Преосвященства
смирнѣйшій слуга, священникъ Николай Гепецкій.

II.

Мои друзья изъ далекой провинціи, особенно священники, всякій разъ, когда пишутъ мнѣ письма, то непременно оканчиваютъ ихъ такой просьбой: „сообщите, пожалуйста, что-нибудь о Думѣ; вѣдь разно у насъ говорятъ, разно толкуютъ о ней, объ ея дѣятельности; очень, очень обязали бы, если бы хоть нѣсколько строкъ написали о думскихъ дѣлахъ“... А многіе прямо просятъ отвѣтить на опредѣленные вопросы, напр.,—„правда-ли, что октябристы, большинство которыхъ прошло голосами правыхъ, нисколько не стѣсняются, однако, признавать себя „конституціоналистами“, и что для обезпеченія на будущихъ выборахъ прохожденія въ депутаты только конституціоналистовъ, хотя бы и скрытыхъ, они далеко не прочь, поскольку зависитъ отъ нихъ, отъ ихъ вліянія, даже лишитъ духовенство избирательныхъ правъ подъ тѣмъ или другимъ „приличнымъ“ предлогомъ. Какъ примирить, и чѣмъ объяснить, что, съ одной стороны, многіе депутаты наносятъ самые чувствительные удары Церкви и вѣрѣ православной, а съ другой—эти же самые депутаты самымъ торжественнымъ образомъ заявляютъ, что православная вѣра для нихъ превыше всего. Правда ли, что весьма часто, почти всегда, создается са-

мая тяжелая атмосфера при обсужденіи въ Думѣ-ли, въ комиссіяхъ-ли вопросовъ церковныхъ? Не можете ли объяснить намъ причины этого“?

Словомъ, о многомъ спрашиваютъ; одно перечисленіе всѣхъ вопросовъ заняло бы цѣлыя страницы...

Просьбы друзей моихъ, конечно, не остаются безъ отвѣта; но вотъ въ послѣднее время такія именно письма получаютъ въ большомъ количествѣ. Отвѣчать на каждое письмо въ отдѣльности очень не легко, и, между тѣмъ, вполнѣ сознаю, что въ самомъ дѣлѣ просьбы-то эти вполнѣ резонныя и основательныя. Вотъ и рѣшилъ я отвѣчать своимъ друзьямъ на страницахъ „Земщины“.

Вѣдь какъ ни какъ, а вотъ ужъ и третья сессія на исходе; собственно говоря, пора уже даже подводить кое-какіе итоги дѣятельности нашего „парламента“; пора и безъ особенныхъ просьбъ постепенно знакомить все русское населеніе съ тѣмъ, что дѣлается у насъ въ Думѣ, какія теченія образовались въ ней, каково здѣсь господствующее настроеніе, каково отношеніе Думы къ церковнымъ и инымъ вопросамъ, къ дѣламъ вѣры, а главное—какія перспективы развертываются предъ нами, благодаря опредѣлившейся уже съ достаточной ясностью политикѣ руководящаго большинства Государственной Думы. Буду откровенно дѣлиться впечатлѣніями о текущей дѣйствительности, не опасаясь говорить о самыхъ интимныхъ сторонахъ нашей думской жизни; вѣдь дѣятельность народнаго представительства у всѣхъ на виду, и чѣмъ больше будетъ пролито свѣта на эту дѣятельность и на то, что весьма часто ускользаетъ отъ вниманія печати, тѣмъ лучше: лучше и для настоящаго, лучше и для будущаго.

Для *настоящаго* это лучше потому, что многіе изъ думскихъ руководителей, познакомившись съ нашими непосредственными впечатлѣніями, увидятъ, какую острую боль весьма часто причиняютъ они своимъ неосторожнымъ, а иногда въ высокой степени,—пусть простятъ мнѣ,—непродуманнымъ прикасательствомъ къ такимъ вопросамъ, къ такимъ предметамъ, существо которыхъ, можно сказать, составляетъ смыслъ и назначеніе нашей жизнедѣятельности.

Лучше *для будущаго*,—ибо надѣюсь, что они, эти думскіе вожди, поймутъ, что мы далеко не столь наивны и просты, что-

бы не видѣть оборотной стороны того политическаго курса, который взять ими, и всей непригодности его въ условіяхъ жизни такой страны, какъ родина наша, а понявъ это—они, быть можетъ, не рѣшатся пойти на конфликтъ съ нами и со всѣми вообще носителями здороваго русскаго націонализма, покоящагося на корняхъ народной жизни; они, быть можетъ, серьезно подумаютъ надъ создавшимся положеніемъ вещей, тщательно взвѣсятъ, насколько безошибоченъ курсъ ихъ политики и, сознавъ все это, они постараются измѣнить характеръ своего отношенія къ очень и очень многимъ вопросамъ.

Если же думскіе вожди останутся глухи къ нашимъ словамъ, будемъ надѣяться, что рядовые октябристы протрутъ хорошенько свои глаза; больше ничего не надо. Но если, паче чаянія мы ошибемся въ своихъ расчетахъ и ожиданіяхъ, то унывать, конечно, не слѣдуетъ; будущее подскажетъ, что дѣлать, что предпринять для достиженія торжества національныхъ русскихъ началъ въ жизни и условіяхъ обновленнаго державной волей Царя-Самодержца строя Россіи.

Въ моихъ письмахъ я буду безпристрастнымъ, какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ оцѣнкѣ ихъ: я понимаю, что неосторожное слово никогда не поправитъ положенія дѣлъ, но за то всегда ухудшитъ таковое. Скажу даже больше: насколько возможно, я буду смягчать краски тоновъ тѣхъ картинъ, которыя будутъ проходить предъ вами, но само собой разумѣется, что не всегда спокойствіе будетъ спутниковъ моихъ бесѣдъ съ вами: есть слишкомъ чувствительные вопросы, которыхъ порою, по необходимости, придется касаться; а тутъ еще предстоятъ и объясненія по поводу разныхъ „достоверныхъ“ слуховъ и толковъ о думскомъ духовенствѣ, его дѣятельности, его отношеніяхъ къ тѣмъ или инымъ явленіямъ, а эти толки весьма щедро всегда, особенно же въ послѣднее время, распространяются о насъ и печатно и устно. А при такихъ обстоятельствахъ,—сами понимаете,—трудно сохранить эпическое спокойствіе лѣтописца; вѣдь я буду писать вамъ о живыхъ вещахъ, а теплохладность плохой художникъ живого слова.

Однако, еще разъ оговариваюсь, безпристрастность моего изложенія нисколько не пострадаетъ.

Выдержанной системы, послѣдовательно изображающей ходъ

и смыслъ думскихъ дѣлъ, едва ли можно ожидать отъ такой формы бесѣдъ, какъ „письма о Думѣ“; несомнѣнно, къ однимъ и тѣмъ же вещамъ придется возвращаться не одинъ разъ, ибо предметомъ писемъ будетъ служить текущая дѣйствительность, столь разнообразная и часто повторяющаяся.

Буду подписываться подъ письмами собственнымъ именемъ, такъ какъ скрываться подъ псевдонимомъ или писать анонимно было бы не честно: буду писать такъ, какъ мнѣ представляется то или другое.

Священникъ *Николай Гепецкій*.

III.

Искусители.

Судить объ отношеніи представителей думскаго большинства къ Православной Церкви по тѣмъ рѣчамъ, которыя произносятся ими въ Думѣ и докладамъ, которые составляютъ исключительно ими—нельзя и не слѣдуетъ.

Очень часто подъ личиной благорасположенія и вниманія къ дѣйствительнымъ нуждамъ Церкви, ея паствѣ и духовенства скрывается затаенная и замаскированная цѣль нанести ей ударъ и пораженіе.

Желая всяческихъ благъ Церкви, руководящее большинство Государственной Думы, въ конечномъ результатѣ своей дѣятельности, подрываетъ основы Церкви.

Для иллюстраціи приведу слѣдующій примѣръ, подтверждающій вышеизложенное. Предъ голосованіемъ въ комиссіи по народному образованію о *подчиненіи* церковно-приходскихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія,—представители руководящаго большинства принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы склонить священниковъ и вообще сторонниковъ церковной школы на свою сторону, при этомъ сулили имъ всевозможнаго рода обѣщанія и подачки. Первымъ долгомъ произвели священниковъ въ «содержателей» школъ, затѣмъ предоставили имъ право находить кандидатовъ въ учителя, обѣщали деньги на содержаніе учительскаго персонала, а нѣкоторые изъ нихъ даже оставляли для церковныхъ школъ наблюдателей подобно земскимъ «руководителямъ», вводимымъ по новому проектированному положенію начальной школы,

но безъ содержанія отъ казны Наконецъ, думаютъ предоставить намъ три мѣста по выбору самого духовенства въ новомъ училищномъ совѣтѣ и даже право протеста на постановленія послѣдняго по дѣламъ, касающимся церковныхъ школъ.

Что же потребовали они отъ насъ за это? По ихъ мнѣнію очень немногаго: подчинитесь министерству народнаго просвѣщенія (?!). При этомъ съ умиленіемъ добавляли, что церковный характеръ школы можете оставить въ полной неприкосновенности. Держите, дескать, знамя свое церковное высоко, а намъ все-таки, однако, подчинитесь.

Такъ разсуждали ново-церковники по вопросу о подчиненіи церковной школы и пастырей Церкви свѣтской власти вопреки церковному праву нашему и церковной дисциплинѣ.

На первый взглядъ предложеніе „нашихъ новыхъ покровителей“, конечно, заманчиво и соблазнительно, но, вникнувъ въ суть дѣла, предъ нами раскрывается ужасная перспектива: подчиненіе пастыря Церкви земскому собранію и училищному совѣту, въ который войдутъ и иновѣрные, а гдѣ земства нѣтъ, инспектору и директору народныхъ училищъ въ дѣлѣ чисто и прямо церковномъ.

Но, къ счастью нашему, на золотую удочку г.г. мнимыхъ радѣтелей Церкви большинство думскаго духовенства не пошло и осталось твердымъ въ своемъ рѣшеніи не отдавать церковной школы и всѣми силами защитить ее отъ плѣненія...

Какъ живо напоминаетъ мнѣ поведеніе г.г. замаскированныхъ экспроприаторовъ церковной школы искушеніе Христа діаволомъ, такъ картинно изображенное Евангелистами. „И паки поятъ Его діаволъ на гору високу зѣло и показалъ Ему вся царствія міра и славу ихъ. И глаголасть Ему: сія вся Тебѣ дамъ, аще падъ, поклонишисями“.

И услышалъ діаволъ отвѣтъ Христа: „Господу Богу Твоему поклонишися и Тому Единому послужиши“.

Развѣ не то же самое предлагаютъ намъ г.г. представители руководящаго большинства Государственной Думы въ дѣлѣ передачи нашего дорогого дѣтища—церковной школы—министерству народнаго просвѣщенія? „Все вамъ дадимъ, только подчинитесь намъ“.

А забыли они, быть можетъ, не знаютъ, или скорѣе всего

не понимаютъ того, что мы по самой природѣ своей не можемъ и не имѣемъ права служить въ одно и то же время и Богу и мамонѣ.

По этому вопросу я надѣюсь побесѣдовать подробнѣе и постараюсь доказать всю несуразность основаній, приводимыхъ въ защиту мнѣнія передачи церковныхъ школъ въ свѣтское плѣненіе, а пока, заканчиваю настоящую замѣтку, отвѣчу господамъ-искусителямъ слѣдующее:

Церковная школа, которая является преддверіемъ храма, есть учрежденіе церковное и принадлежитъ только Церкви, а потому я, какъ священнослужитель во всей своей пастырской дѣятельности, а въ частности и школьной,—подчинялся и подчинюсь лишь только тому, кто является представителемъ Церкви и главнымъ руководителемъ ея жизни и дѣятельности во всей совокупности.

Служить одновременно двумъ господамъ мы не можемъ.

Свящ. *Машкевичъ.*

IV.

Я началъ бы это письмо съ изложенія тѣхъ удивительныхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали извѣстному уже вамъ постановленію думской комиссіи по народному образованію—объ изъятіи церковныхъ школъ изъ вѣдѣнія Церкви; тема эта сразу бы дала полную возможность попутно коснуться и очень многихъ сторонъ нашей думской жизни и характеристики опредѣлившагося отношенія къ намъ, къ дѣлу нашему со стороны тѣхъ, кто дѣлаетъ у насъ думскую политику; однако, считаю сейчасъ далеко не бесполезнымъ сначала, такъ сказать, ввести васъ въ курсъ нашей внутридумской жизни, поставить васъ къ ней поближе.

Это нужно, чтобы вы уяснили сеѣ возможно отчетливо, въ какихъ условіяхъ протекаетъ наша думская работа, каково соотношеніе партійныхъ силъ, изъ какихъ элементовъ складывается то „большинство“ Государственной Думы, которое является рѣшающимъ при обсужденіи того или иного вопроса.

Конечно, я не буду подробно описывать вамъ особенности всѣхъ нашихъ политическихъ толковъ, ихъ природу, качества, міросозерцаніе: все это—вещи, въ общихъ чертахъ, вамъ давнымъ-давно извѣстныя. Но все же вкратцѣ коснусь и этой стороны дѣла.

Въ нашей Думѣ все честь-честью обстоитъ, какъ въ любомъ

западно-европейскомъ парламентѣ. Здѣсь и крайняя лѣвая, и, какъ любятъ нѣкоторые выражаться, крайняя правая, и не менѣе десятка промежуточныхъ партій.

Каждая партія составила свою программу, которую и предлагаетъ, въ качествѣ рецепта, для уврачеванія недуговъ родины. Но если вы произведете анализъ этихъ программъ, оцѣните ихъ достоинства, то придете въ большее недоумѣніе, ибо вы увидите въ большинствѣ случаевъ какой-то скрытый смыслъ, неясность, недоговоренность, а то и просто утопичность вождельній нѣкоторыхъ партійныхъ программъ.

Мало этого: вы убѣждаетесь въ томъ, что не малая часть рекомендуемыхъ для спасенія Россіи лекарственныхъ веществъ не суть средства индивидуализированныя, а просто-на-просто заграничные патентованные препараты, въ полезности коихъ едва-ли не сомнѣваются сами врачеватели.

Откровенно признаюсь вамъ: я не могу уяснить себѣ, какими оттѣнками характеризуются особенности нѣкоторыхъ сродныхъ смежныхъ партій *въ практической ихъ дѣятельности*; я не представляю себѣ, чѣмъ, напр., рецептъ соц.-демократическихъ врачевателей отличается отъ рецепта трудовиковъ, если въ самомъ дѣлѣ, — будемъ правду говорить, — и тотъ и другой одинаково, вѣдь, отвлеченны; я не могу вамъ сказать и того, какая разница между ка-детами и прогрессистами, между прогрессистами и лѣвыми октябристами.

Правда, если бы вы обратились за соотвѣтствующими разъясненіями къ представителямъ этихъ партій, то въ отвѣтъ на ваши недоумѣнія вы, конечно, услышали бы отъ нихъ очень и очень не мало словъ; однако, какъ только вы сопоставите всѣ эти слова съ вашими наблюденіями надъ практической дѣятельностью послѣдователей этихъ партій, а особенно вождей ихъ, то вы такъ и останетесь при всѣхъ вашихъ прежнихъ недоумѣніяхъ.

Но вотъ въ чемъ вы дѣйствительно убѣдились бы—это въ малоприспособности или даже ненужности всѣхъ этихъ идеологическихъ программъ,—то возбуждающихъ столько недоумѣній и сомнѣній, то поражающихъ отсутствіемъ пониманія духа и смысла родной исторіи, то наводящихъ страхъ своей удивительной отрѣшенностью отъ реальныхъ условій жизни и ближайшихъ ея потребностей, то заставляющихъ сказать, что изобрѣтеніе такихъ

причудливыхъ программъ какъ бы происходило гдѣ-то внѣ пространства и времени.

Да и къ чему, въ сущности, обязываютъ передъ широкими массами народа такія, напр., программы, которыя сами обязаны своимъ происхожденіемъ повидимому даже не стремленію къ ближайшей цѣли—удовлетворить потребности даннаго момента, хотя бы и въ предѣлахъ и размѣрахъ самой широкой,—но непременно нормальной и легальной по способамъ осуществленія,—жизненной возможности,—а стремленію къ цѣлямъ безконечно далекимъ, безконечно недостижимымъ—создать такія условія, при которыхъ, какъ говорится, обязательно, сами-собою, потекутъ рѣки, окаймленныя кисельными берегами...

Реальный политикъ, призванный пособить текущей нуждѣ, такими туманными, отдаленными цѣлями не задается и мимо жизни не проходитъ.

Что общаго, далѣе, съ духомъ русскаго народа и его исторіей имѣютъ послѣдователи такихъ программныхъ ученій, которыя проявляютъ намѣреніе упразднить господствующее положеніе Православной Церкви, которыя то откровенно, то прикровенно проводятъ тенденцію ограничить царскую власть и которыя побуждаютъ послѣдователей этихъ программъ то явно, то тайно стремиться къ захвату прерогативъ этой власти, или, что то же,—къ учрежденію у насъ новаго института власти—*партийнаго* самодержавія,—этой тираніи случайныхъ лицъ, при которой неминуемо былъ бы вовлеченъ въ страшную, разъядающую жизнь, партийную борьбу и нашъ многомилліонный народъ, въ подавляющей массѣ своей еще, слава Богу, твердый вѣрою, что титулъ самодержавія есть неотъемлемое свойство и прерогатива только Того, Кто выше всѣхъ партій, Кто возвышенъ Богомъ надъ всей русской землей.—народъ, который въ своемъ сознаніи никогда не проститъ попытокъ низвести Православную Церковь въ разрядъ духовныхъ установленій прочихъ исповѣданій.

Право, вы приходите къ заключенію, что самая лучшая программа, самый лучшій, универсальный рецептъ для уврачеванія нашей родины—это, ясный непредубѣжденный „разнымъ вѣтромъ ученій“ умъ да здоровое нравственное чувство, управляемое сильной волей. Вотъ тѣ искомыя величины, при наличіи которыхъ всѣ вопросы нашей дѣйствительно сложной жизни разрѣшались бы

и здраво, и нравственно. Вотъ единственные признаки, по которымъ слѣдуетъ отбирать людей для столь большого отвѣтственного дѣла, какъ наше отечественное законодательство.

Это—не средніе, трусливые безличные люди, образца нашей самобытной „Маниловщины“,—благодушные и мягкотѣлые російскіе обыватели. Нѣтъ это обыкновенно люди самой твердой, непреклонной вѣры, которую они и безбоязненно исповѣдуютъ.

Эти люди—не сантиментальны: они представляютъ дѣйствительность такъ, какъ она есть, т. е. трезво.

Такіе люди не страдаютъ ни утопичностью и фантазіей лѣвыхъ, ни шаткостью убѣжденій людей „золотой середины“.

Такіе люди не мнятъ себя гражданами міра, а гражданами милой дорогой Россіи. Для такихъ людей основы бытія русской государственности,—дѣйствительно, можетъ быть, и своеобразной,—составляютъ предметъ самой живой, дѣятельной вѣры, и не способны они кивать головой по сторонамъ, да расточать загадочныя улыбки и вправо и влево.

Такіе люди—глубоко національны, демократичны въ лучшемъ смыслѣ и значеніи этого слова и отъ устоевъ жизни русскаго народа они никогда не отойдутъ, хотя бы даже эготъ самый народъ, временно разъѣденный политической и соціальной пропагандой, временно отвернулся бы отъ нихъ: въ этомъ случаѣ они явились бы въ роли будильниковъ совѣсти народной, его національнаго самосознанія.

Такіе люди, продолжаю,—понимаютъ, что есть вопросы очень и очень щепетильные, къ которымъ нужно прикасаться крайне осторожно, крайне осмотрительно. Такіе люди чужого не возьмутъ, наоборотъ: великодушно облагодѣтельствуютъ другихъ, всегда удовлетворяютъ справедливыя, не нарушающія, однако, общей государственной идеи, требованія различныхъ группъ населенія, но ужъ и за всѣ блага міра не продадутъ ни одного винтика русской государственности; тѣмъ болѣе такихъ людей не обойдутъ, не проведутъ торгующіе „чечевичной похлебкой“, столь умѣло и искусно, за эготъ ничтожный товаръ, а то и просто дарма,—за что—Ты, Господи, вѣси,—иногда приобрѣтающіе у людей „золотой середины“ не одни лишь платоническія улыбки, а нѣчто гораздо большее.

Вотъ какова характеристика тѣхъ желанныхъ людей, кото-

рыхъ я назвалъ людьми „яснаго, непредубѣжденнаго уха и здороваго нравственнаго чувства, управляемаго твердой волей“...

Не правда-ли, было бы очень хорошо, если бы большинство депутатскихъ скамей было занято такими точно людьми?

На какой именно сторонѣ—правой, лѣвой, въ центрѣ или и на разныхъ скамьяхъ—въ качествѣ вкрапленныхъ единицъ—скорѣй всего найти такихъ именно людей,—я указывать вамъ не буду: впоследствии, когда предъ вами пройдутъ характерные эпизоды нашей думской жизни въ разнообразныхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ, вы сами отлично разберетесь въ этомъ весьма немаловажномъ по существу вопросѣ.

Священникъ *Н. Генецкій*.

Р. С. Въ послѣднихъ строкахъ моего перваго письма я не точно выразилъ свою мысль. Собственно, я хотѣлъ особенно подчеркнуть, что въ моемъ положеніи,—члена Государственной Думы,—писать „Письма о Думѣ“ анонимно или прикрывшись псевдонимомъ—было бы неправильно. Таковъ мой личный взглядъ.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Преосвященномъ Иринархѣ, арх. Кишиневскомъ, и о состояніи при немъ Кишиневской епархіи.

*(Продолженіе *).*

Первоначально Преосвященный Иринархъ въ своемъ донесеніи Св. Синоду останавливается на Консistorіи, присутствіе которой состояло изъ семи членовъ, коими были, между прочимъ, ректоръ и инспекторъ мѣстной семинаріи. Въ отношеніи къ Консistorіи, какъ и къ другимъ учрежденіямъ и лицамъ Дух. Вѣдомства, пр. Иринархъ обнаруживалъ достаточную строгость, внимательно слѣдя за ея дѣятельностью. Онъ не стѣснялся удалять членовъ Консistorіи, за ихъ, по его выраженію, неспособность и постоянно дѣлалъ ея членамъ, секретарю и столоначальникамъ довольно строгія внушенія за разныя упущенія. Любопытна въ этомъ отношеніи его резолюція по поводу ревизіи имъ Консistorіи. Она ясно говоритъ намъ о его внимательномъ и тщательномъ ознакомленіи съ ходомъ дѣлъ въ Консistorіи.

*) См. «Киш. Епарх. Вѣд.» № 20, текущаго года.

Общее впечатлѣніе, по этой резолюціи, отъ знакомства съ дѣлами и письмоводствомъ у пр. Иринарха было довольно удовлетворительное, что, однако, не скрыло отъ него и крупныхъ дефектовъ въ консисторскомъ дѣлопроизводствѣ.

Послѣднее, по нему, страдало общимъ и наиболѣе распространеннымъ недостаткомъ—медленностью и излишнею неторопливостью. Такъ, въ докладныхъ настольныхъ реестрахъ противъ многихъ бумагъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не были положены резолюціи.

Не мало отражалось на общемъ ходѣ консисторскихъ дѣлъ и нецѣлесообразное ихъ распредѣленіе, а также неравномѣрное распредѣленіе занятій.

При уходѣ и увольненіи чиновниковъ совершенно не заботились о своевременной сдачѣ ими дѣлъ и бумагъ. Напротивъ, одного уволеннаго чиновника, долго не сдававшего дѣлъ, представили даже къ наградѣ съ чиномъ, какъ исправнаго. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла оставались безъ движенія за неполученіемъ требуемыхъ свѣдѣній, для чего не принималось никакихъ законныхъ мѣръ.

Словомъ, предъ нами довольно типичная картина судебной волокиты, которою такъ грѣшили наши старыя учрежденія. Члены Консistorіи, очевидно, неособенно заботились о своевременномъ удовлетвореніи интересовъ своихъ кліентовъ, что такъ ярко и подмѣчено пр. Иринархомъ, принявшимъ, съ своей стороны, рядъ мѣръ для устраненія замѣченныхъ имъ недостатковъ.

Преосвящ. Иринархъ дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, очень энергично.

Медлительнымъ членамъ Консistorіи онъ предписалъ немедленно положить резолюціи противъ тѣхъ бумагъ въ докладныхъ реестрахъ, на которыхъ не были онѣ положены и на будущее время не оставлять бумагъ нерѣшенными по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, а рѣшать ихъ по порядку, безъ всякаго отлагательства, въ случаѣ же оставленія хотя нѣкоторыхъ изъ замѣченныхъ бумагъ безъ резолюцій, Преосвященный грозилъ донести объ этомъ въ Синодъ въ годовомъ отчетѣ о состояніи епархіи.

Угроза эта подѣйствовала, такъ какъ въ своемъ годовомъ донесеніи въ Синодъ онъ не упоминаетъ о нерѣшенныхъ дѣлахъ.

Нецѣлесообразное распредѣленіе дѣлъ было замѣнено распредѣленіемъ по предметамъ.

Уволенному чиновнику предписано было немедленно сдать всѣ дѣла, секретарю же и членамъ вмѣнялось въ обязанность тщательно слѣдить, «чтобы столоначальники содержали дѣла во всей исправности, дабы при ихъ сдачѣ не было никакихъ затрудненій». Наконецъ, настойчиво рекомендовалось «принимать законныя мѣры своевременно, чтобы дѣла не оставались безъ хода и рѣшенія долгое время» ¹⁾.

Упрекая членовъ Консисторіи въ крайней медлительности, Пр. Иринархъ, въ то же время, ясно сознавалъ всю недостаточность штата консисторскихъ канцеляристовъ. «Штатъ канцеляріи Консисторіи, писалъ онъ, состоитъ изъ 11 человекъ, кромѣ секретаря. Такое число канцеляристовъ, очевидно, не соотвѣтствуетъ числу членовъ Консисторіи и числу бумагъ входящихъ и исходящихъ, а потому требуетъ непременно допущенія сверхштатныхъ для переписыванія черновыхъ».

Непосредственными сотрудниками и помощниками Преосвященнаго были благочинные, которые дѣлились на старшихъ благочинныхъ, замѣнявшихъ собою духовныя правленія, и младшихъ благочинныхъ. Монастыри находились въ вѣдѣніи двухъ особыхъ благочинныхъ.

Что же представляли изъ себя благочинные этого времени?

Уже въ отчетѣ пр. Иринарха мы находимъ довольно ясные намеки, характеризующіе благочинныхъ его времени. Благочинническія же донесенія бросаютъ очень яркій свѣтъ на личность и стремленія ихъ авторовъ.

Отношенія пр. Иринарха къ благочиннымъ были нерѣдко довольно рѣшительныя. Такъ, одинъ старшій благочинный, обнаружившій довольно халатное отношеніе къ казеннымъ деньгамъ, результатомъ чего была утрата 695 р., былъ уволенъ и устраненъ отъ должности.

Изъ частныхъ благочинныхъ нѣкоторые были удалены за незнаніе русскаго языка и неспособность; нѣкоторые же за противозаконныя дѣйствія: одинъ благочинный—за построеніе новой церкви безъ плана и разрѣшенія Еп. Начальства; другой за ложный доносъ, третій за вымогательство и т. п.

¹⁾ *ibid.*

Старшіе благочинные, обремененные производствомъ всевозможныхъ слѣдствій и находившіеся, потому, всегда въ отлучкахъ, не всегда своевременно исполняли распоряженія Епархіальнаго Начальства. Этимъ же объяснялась и медлительность въ ходѣ производственныхъ дѣлъ. Кромѣ того, матеріальное положеніе благочинныхъ, отличавшееся крайнею необеспеченностью и неустойчивостью, отражалось вредно и на дѣлахъ. Образовательный цензъ благочинныхъ былъ крайне слабый: «между благочинными, пишетъ пр. Иринархъ, по недостатку образованныхъ, не мало такихъ, которые не имѣютъ систематическаго образованія». Понятно, какъ это печально должно было отражаться на интересахъ епархіи и духовенства. Неразвитые, малокультурные, они и на духовенство нерѣдко смотрѣли, какъ только на объектъ всякихъ мѣропріятій и предписаній. Въ глазахъ такихъ благочинныхъ—духовенство—некультурная, дикая толпа, нуждавшаяся въ безграничномъ подчиненіи и послушаніи имъ, благочиннымъ. Лейтъ-моивъ очень многихъ благочинническихъ донесеній—какое то презрительное отношеніе къ духовенству, которому противопоставляется самовластіе и безграничный произволъ благочиннической власти. Очень многія благочинническія донесенія проникаетъ одна мысль, одно завѣтное желаніе—поставить духовенство въ безусловную отъ себя зависимость, лишить его даже права аппеляціи на свои распоряженія. Но не будемъ голословны и обратимся къ документамъ, которые очень краснорѣчиво говорятъ объ этомъ. «Порокъ среди духовенства, пишетъ благочинный К., оставаясь большею частью ненаказаннымъ, не уменьшается, а ширится. *Для обузданія сего необходимо, по моему мнѣнію, ввести въ употребленіе остающуюся теперь безъ всякаго дѣйствія 57 ст. благочиннической инструкции, съ тѣмъ однако же, чтобы на распоряженія благочиннаго, тамъ указанная, жалобы не допускались*». По мнѣнію другого благочиннаго, «средствомъ къ смягченію нравовъ непокорныхъ, уменьшенію проступковъ и къ исправленію раздорныхъ могла бы служить и сама власть благочинныхъ, если бы она была усилена и уполномочена». Третій же благочинный болѣе откровенно указываетъ на причину лишенія духовенства права аппеляціи. По его словамъ, примѣненіе репрессивныхъ мѣръ къ духовенству возможно «съ нѣкоторымъ опасеніемъ,